

РАЗДЕЛ IV. РОМАНО-ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811. 133. 1' 42

Епифанцева Н.Г.

Московский государственный областной университет

ТЕКСТ В ПРОЧТЕНИИ ФРАНЦУЗСКИХ И ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ ЛИНГВИСТОВ

N. Epifantseva

Moscow State Region University

TEXT INTERPRETATION BY FRENCH AND FRENCH-SPEAKING LINGUISTS

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы лингвистики текста во франкоязычной и французской лингвистической традиции. Концепция языкового знака, рече-языковой деятельности и дискурса представлены на примере трудов Ф. Соссюра, Г. Гийома, Р. Барта и других исследователей. В концепции формирования текста Г. Гийома выявлены черты, созвучные пониманию текста германистами, и различия с генеративным подходом А.Х. Хомского. Представлены также взгляды на текст и его характеристики сторонников постмодернистского течения, причём особое внимание уделено лингвистической составляющей творчества Р. Барта.

Ключевые слова: языковой знак, язык, речь, дискурс, формирование текста и лингвистика текста.

Abstract. The author analyses the formation of text linguistics in the French linguistic tradition with examples from works of F. de Saussure, G. Guillaume, R. Barthes and others. The article reveals aspects of text interpretation in G. Guillaume's conception which are in line with ideas expressed by Germanic languages experts, and its difference from the generative approach to text of A.H. Chomsky. The article also focuses on opinions of post-modern linguists. Special attention is paid to linguistic component of R. Barthes' works.

Key words: linguistic sign, language, discourse, formation of text, linguistics of text.

I. Современное лингвистическое определение текста основано, как известно, на классической оппозиции язык/речь (*langue/parole*), сформулированной Фердинандом де Соссюром в концепции языкового знака и его асимметрии [4]. Согласно этой концепции, язык – это система знаков, используемых для целей коммуникации, а речь – практическое осуществление коммуникации посредством этих знаков. Язык как система состоит из знаков, каждый из которых представляет собой единство двух психологических реалий: «означающее» (*signifiant*) – слышимый или видимый знак и «означаемое» (*signifié*) – ассоциативно связанный с этим знаком ментальный образ соответствующего объекта реальности. Автор разделял

эти понятия, но подчёркивал их неразделимость, единство: ни одно из них невозможно себе представить существующим автономно. Правда, этот тезис в середине прошлого века будет подвергнут сомнению представителями постмодернизма в филологии и лингвистике.

Согласно теории Ф. де Соссюра, в языковой коммуникации не могут служить знаком как сочетания звуков, не связанные с определённым смыслом, так и сами смыслы без соответствующей звуковой оболочки. Вопрос о том, стоит ли за означаемым какой-то реальный объект, в концепции не ставился (модель, включающая кроме означаемого и означающего третий компонент, представляющий объективную реальность – *the representament – an interpretant – an object*, – была предложена американцем Чарльзом Пирсом и появилась немного позже). Главным в концепции Ф. де Соссюра было то, чтобы понятие об означаемом явлении существовало в сознании носителей языка в неразрывной связи с означающим, формируя тем самым языковой элемент картины мира. Другим фундаментальным принципом отношений между «означающим» и «означаемым» автор считал принцип произвольности, поскольку ничто не препятствует возникновению ассоциативной связи между любой идеей и любым сочетанием звуков речи. Значительно позже этот принцип также подвергся критике французских постмодернистов (Ж. Деррида, Ю. Кристева), полагавших, что Ф. де Соссюру не нужно было подчёркивать противопоставление означаемого и означающего. Частое использование знака в дискурсе размывает, а иногда уничтожает разницу между ними. Принцип произвольности связи между означающим и означаемым не мог быть признан лингвистами как абсолютный. Он остаётся релевантным только для искусственных кодов, тогда как в живом языке границы означаемого постоянно меняются, например, из-за наличия коннотаций, обусловленных социокультурными факторами. В современной лингвистике вопрос о соотношении между означаемым и означающим ставится более осторожно, а слово «произвольность»

дополнена пояснением «относительная». Учитывая различие между системой языковых знаков и практическим применением этой системы, в концепции Ф. де Соссюра между ними проведено разграничение, представленное оппозицией «язык – речь».

Элементы данной оппозиции предполагают разные и гетерогенные мыслительные операции, из которых следует либо построение языка как системы, либо мгновенное построение речи. Ф. де Соссюр использует также термин «*langage*» – речевая деятельность. Термин используется автором для обозначения последовательности перехода языка, которым владеет говорящий вне зависимости от конкретного момента, в речь, формируемую говорящим только в конкретные моменты.

II. В романском языкознании идея триады *langue+parole=langage* получила дальнейшее развитие в трудах Гюстава Гийома, основателя лингвистического направления психосистематики и теории лингвистического ментализма [5]. В данном уравнении автор интерпретирует речевую деятельность как интеграл, объединяющий язык и речь с учётом последовательного характера перехода языка в речь. Таким образом, определение термина «*langage*» усложняется и выражает рече-языковую деятельность. Язык существует в двух состояниях: возможном и действительном (*en puissance/en effet*). Согласно другой терминологии, используемой Ш. Балли, Г. Гийомом и их единомышленниками, – в виртуальном и актуальном состоянии, а переход от виртуальности (*virtualité*) осуществляется за счёт актуализации (*actualisation*). В соссюрианской теории речевой деятельности не был учтён фактор времени. Именно этот фактор позволяет определить больший или меньший интервал, характеризующий переход языка в речь, а также предопределяет использование Г. Гийомом ещё одного термина – «*discours*», который выражает смещение понятия «речь» в сторону процесса говорения. В момент словесного выражения говорящий переходит от языка к говорению, иначе, от языка к действительной времен-

ной речи, имеющей протяжённость, физическое существование. Переход от языка к действительному, фактическому говорению обусловлен психическим механизмом языка. Разграничение нефизической, безмолвной речи – говорения (*parole non physique, silencieuse*) – и действительной речи, представляющей её материализацию (*parole effective*), свидетельствует о том, что множественность принадлежит действительности, реализации (*effet*), тогда как относительная единичность принадлежит возможности (*puissance*). Мысленной речи (условно говоря, одной) противопоставляется внушительное разнообразие действительной речи. В зависимости от говорящих, а при одном и том же говорящем – в зависимости от обстоятельств речи, действительная речь меняется.

Существует связь и соответствие факта речи и факта мысли. Хотя между ними наблюдается и определённое различие: на уровне языка (*langue*) связь «психомеханизм – говорение» (*psychisme – parole*) можно рассматривать как идеальную. Соответственно, физическое состояние, характерное для говорения, не выходит за рамки психического. На уровне речи (*discours*) связь «психомеханизм – говорение» также идеальна и сохраняется без изменений. Однако реализуется, материализуется физическая природа речи как говорения, которое, так сказать, выходит из своего исходного психического состояния. На уровне речи говорение принимает форму, становится реальностью. Оно существует физически и не является больше чисто психическим состоянием. Этот факт не отменяет наличия прежнего психического состояния, наоборот, оно реализуется, облекаясь в воспринимаемую материальность, необходимую для рече-языковой деятельности (*langage*). В этом можно видеть различие между говорением на глубинном уровне языка и на поверхностном уровне (*parole – discours*). Преобразование нефизического состояния в физическую форму является, таким образом, основой рече-языковой деятельности.

Схематично, рече-языковая деятельность (*langage*) состоит из двух уровней: уровня

языка (*langue*) и уровня речи (*discours*). Первый уровень представляет говорение идеальное, нефизическое (*parole-idée*) и лежащие в его основе психомеханизмы. Второй уровень – речь представляет говорение реальное, физическое, материализованное (*parole effective*) и составляющие его основу психомеханизмы. Кстати сказать, исследования в области физиологической природы мышления свидетельствуют о том, что у человека при возникновении мысли (нефизическое состояние речи) так же, как и при её физическом выражении, происходит активация определённой группы нервных клеток головного мозга.

При таком подходе к изучению природы речевой деятельности становится логичным и неизбежным разделение актов представления (*actes de représentation*), образующих язык, и актов выражения (*actes d'expression*), порождающих речь. Акты представления обеспечивают возможности человеческого мышления, основанного на глубинных, не случайных, а необходимых операциях, в отсутствии которых эти возможности, в том состоянии, в котором они проявляются, не существовали бы. Здесь речь идёт о формировании языка средствами актов представления и о формировании речи средствами актов выражения. Представляемое – это язык и составляющие его акты представления. Каждый из них является единицей потенции, называемой «слово». Выражаемое – это речь, то есть составляющие её акты выражения, каждый из которых по завершении называется «единицей реализации» [5, 91-92]. Во французском языке (как и в других языках того же грамматического типа) наблюдается некое равновесие между представлением и выражением: представление и его выражение образуют всю совокупность речевой деятельности.

Использование термина «рече-языковая деятельность» для обозначения практической реализации языковой системы подчёркивает её целенаправленный характер. Рече-языковая деятельность имеет мотивацию (потребность в коммуникации) и результат (дости-

жение или недостижение коммуникативных целей). В то же время эта деятельность характеризуется процессным характером: речь – это процесс коммуникации посредством языковых знаков, который можно изучать через промежуточные статичные формы, устанавливающиеся в этом процессе. Процесс формирования речи происходит, по мнению автора, посредством ментальных операций – «перехватов». Так, форма субстанции появляется в процессе мгновенного лексического перехвата, опережающего фразовый перехват и обеспечивающего появление слова. Лексический перехват носит одновременно объединяющий и агглютинирующий характер. Под этот перехват попадают корневые словообразующие элементы, которые объединяются и агглютинируются. Это первичная форма элементов, порождающая потенциальные единицы языка. Второй формальный перехват – фразовый, порождающий такую единицу высказывания, как фраза (предложение). Он соединяет потенциальные единицы и носит только объединяющий характер. В результате лексического перехвата создаются слова – потенциальные единицы языка. К моменту фразового перехвата, создающего фразу, лексический перехват уже завершён. Так, из слов, появившихся в человеческом сознании в результате первого перехвата (le|homme|est|mortel), формируется фраза (l'homme est mortel). Сумма существенных лексических перехватов, происходящих в человеческом сознании, составляет язык. Количество этих лексических перехватов огромно, но исчислимо словарём, включающим все слова языка. Это тот словарный запас (в том или ином объёме), которым обладает человек. Сумма фразовых перехватов, которые состоят из потенциальных и лексических перехватов, составляет речь. Число фразовых перехватов безгранично: можно создать словарь слов, входящих в состав языка, но нельзя создать словарь предложений, составленных посредством выбора и употребления этих слов.

Таким образом, фразовый перехват осуществляется в форме, не предназначенной

для установления тех устоявшихся форм, которые свойственны лексическому перехвату. Из этого следует, что свойство языка – состоять из «устоявшегося», а свойство речи – состоять из «неустоявшегося». В речи проявляется свобода, противоположная установлению. В языке – несвобода, соответствующая установлению. Если фраза, представленная в сознании в устоявшейся форме, утрачивает свойство мимолётности, она превращается в слово, то есть субстантивируется.

Автор отмечает, что в речевой деятельности отношение между представлением и выражением является человеческим отношением, тогда как реализация этого отношения неизбежно зависит от возникающих условий представлять и выражать, и относится, таким образом, к социальным фактам. К социальной области можно отнести факт множественности смысла в зависимости от воспринимающей этот текст аудитории. В основе формирования языка находится опыт, преобразующийся в представление, причём человеческий разум освобождается от опыта, чтобы закрепиться в представлении.

Отношение Г. Гийома к проблеме речевой деятельности как процессу идёт вразрез с концепцией порождения высказывания, основанной на модели А.-Н. Хомского. Использование достижений генеративного направления для объяснения порождения высказывания было привлекательно для лингвистов, в том числе психолингвистов, тем, что позволяло описать динамику возникновения единицы речи в результате операций, совершаемых с языковыми единицами, принимаемыми за исходные. При этом необходимым условием для нормальной речевой деятельности неизменно признавался её спонтанный характер. Таким образом, в процессе коммуникации носители языка неосознанно и постоянно совершают преобразования. В противоположность такой интерпретации процесса формирования речи, Г. Гийом считает, что контакт между мыслью в момент выражения и языком, постоянно находящимся в распоряжении мышления,

происходит мгновенно, и это мгновение недоступно непосредственному наблюдению. Об этих мгновениях мы можем узнать только то, что позволяет нам понять аналитическая интерпретация последовательности этих мгновений. У нас нет доступа, по крайней мере, прямого, к мыслительным операциям, которые предшествуют началу акта речевой деятельности. Эта главная часть процесса речевой деятельности скрыта от нас, и мы наблюдаем только его самые последние мгновения. То есть мы наблюдаем не акт речевой деятельности, не сам процесс, а только результат.

III. В современной лингвистике теория языкового знака представлена в трудах французских учёных, относящихся к течению постмодернизма: Жана Бодрийара, Жака Деррида, Юлии Кристевой – коллеги и последовательницы взглядов Ролана Барта. В развитие концепции языкового знака, а именно идеи Ф. де Соссюра о лингвистическом значении как результате «различий» между знаками, постмодернисты считают, что знак может «означать» что-либо, если он отличается от другого знака, который, в свою очередь, отличается ещё от одного знака и т. д. «Значение» знака оказывается расплывчатым среди множества «означающих». Таким образом, вырисовывается размытая структура вместо определённого, чётко очерченного образования симметричных пар «означаемых» и «означающих». Текст, согласно этой концепции, можно представить в виде сетки, по которой движутся означающие в непрерывной погоне за ускользающими означаемыми. Тезис Ж. Деррида «Il n'y a rien hors du texte» [3] отражает постмодернистскую концепцию объективной реальности. Однако его не стоит понимать буквально. Это не отрицание объективной реальности, а сомнение в истинности вербализованной идеологии. Современный человек как объект вербальной манипуляции живёт под идеологическим давлением пропаганды. Его сознание настолько пресыщено словами, что он принимает их за реальность, хотя за этими словами может ничего не стоять. Абстракт-

ные слова настолько ёмки по своему значению, что затемняют и постепенно вытесняют из человеческого сознания даже те понятия, ради которых появились в языке. В таких случаях возможна полная утрата знаком связи с определённым означаемым – этот знак становится пустым. Согласно терминологии, предложенной Ж. Бодрийаром, такие копии с утраченного оригинала называются «simulacra» [2, 409-420].

Французские постмодернисты понимают текст в широком смысле, перенося этот термин в литературоведение. Согласно этой концепции, литературный текст включает в себя операции, которые они называют «деконструкцией». Речь идёт о двух линиях аргументации, противоречащих одна другой и создающих свойственную литературным текстам неопределённость. Выдвинув идею деконструктивного анализа дискурса, французские постмодернисты включили лингвистические проблемы в круг политической и социальной озабоченности общества. Так, по мнению Ж. Деррида, философские оппозиции (central/marginal, présent/absent и др.) – это не мирное сосуществование идей, а агрессивная иерархия, в которой доминирует один из терминов. Различия, зафиксированные бинарными оппозициями, невозможно отменить, но текст можно «переписать», переставив элементы. Именно в этом заключается суть деконструктивных методик. Бинарная оппозиция (например: présent/absent) остаётся общим местом только до тех пор, пока, с учётом специфики значения каждого из элементов в европейской культуре, не будет поставлен под сомнение приоритет одного элемента над другим. Эта процедура получила название «этимологизация», которая используется также для выявления следов старых значений в современных терминах, проясняющих их смысл.

Развивая концепцию текста своего коллеги и учителя Р. Барта, постмодернисты, в частности Ю. Кристева, считают, что, читая написанный текст, можно ухватиться за какую-нибудь ниточку и начать «писать» свою версию прочитанного текста. При таком

подходе литературное произведение теряет статус артефакта, так как само писалось по той же методике, поскольку автор развивал и «переписывал» другие литературные произведения. А те, в свою очередь, тоже являются переделками более ранних текстов. «Текст» в таком понимании как бы растворяется в предшествующих ему текстах. Он представляет собой открытую систему под названием «интертекст».

Акцентируя внимание на открытости текста, Ж. Деррида, Ю. Кристева и другие исследователи по-иному видят и роль читателя в литературном процессе. Они отвергают понятие идеального читателя, потому что оно предполагает возможность полного слияния авторского и читательского концептов текста. Даже сам автор не может считаться идеальным читателем, так как это означало бы, что он дублирует самого себя, что выглядит структурным нонсенсом. Адресант должен учитывать не идеального, а подразумеваемого читателя, обладающего правом понимать текст по-своему. В этом, по мнению постмодернистов, состоит уникальное видение литературного мира.

IV. Известный французский лингвист, философ и социолог Ролан Барт изучал проблемы семиотики, текста, дискурса в 60-х – 80-х гг. прошлого века в рамках постструктуралистского подхода или перехода от структурализма к постмодернизму. Автор рассматривает текст как своего рода сеть генерации значений без цели и центра (для таких исследований хорошо подходили авторские тексты и литературные произведения его современников – тексты без общей формулы и основной идеи); для текста не существует источников и влияний, из исторической суммы которых возникает произведение; текст анонимен, он представляет собой динамический, смысловой горизонт для всех реализованных (например, в печатной форме) текстов; для него характерна множественность смысла, незавершённость значений, принципиальная открытость... Текст определяется автором как любой конечный отрезок речи, характеризующийся некоторым единством с точки

зрения содержания, передаваемый с вторичными коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причём связанный с иными культурными факторами, чем те, которые относятся к собственно языку. Р. Барт считает лучшими произведениями литературы не *читабельные*, а *писабельные* тексты (*textes scriptables*). Примером таких текстов может служить модернистская литература – без чётко выраженного сюжета, без начала и конца, без авторских подсказок, что в тексте главное, а что второстепенное [1, 443-444].

Автор широко понимает текст, который представляет собой любую организованную совокупность знаков, развёртывающуюся во времени и пространстве. В общесемиотическом плане текстом может быть танец, обряд, культура и т. д. Они семиотичны, поскольку несут в себе знаковые смыслы и через них могут быть интерпретированы историей, культурой, обществом. При этом в обществе существует корреляция между коммуникативными и культурными структурами. Знаки социального дискурса наделены вторичными, коннотативными значениями. Независимо от материальной формы дискурса – языковой, визуальной или какой-либо иной, коннотативные смыслы дискурса всегда оказываются в естественном языке. Поэтому, по мнению автора, семиотика является лишь частью лингвистики, её приложением к вторичным смыслам, распространяющимся через язык на всю культуру.

Специфика семиотического подхода к художественному тексту заключается, по мнению автора, в возможности изучения его содержания посредством включённых в него знаков, которые характеризуют текст как произведение искусства. В отличие от лингвистических знаков (фонем, морфем, лексем), эстетические знаки не имеют чёткой, единообразной структуры, сложившейся в языковом узусе. В каждом конкретном случае статус и иерархия эстетических знаков есть нечто такое, что требует доказательства и правомерность рассмотрения их в качестве значимых единиц.

«Текст» в понимании Р. Барта отличается значением от термина его предшественников. Дальнейшее развитие его концепции можно проследить в трудах его коллег и последователей. Неординарный подход к интерпретации текста/дискурса явился предпосылкой дальнейших исследований в области семиологии, текстологии и дискурсивной лингвистики.

В заключение можно отметить глубокий интерес в современной лингвистике к проблемам текста, среди которых некоторые остаются дискуссионными; а также весомый вклад французских и франкоязычных исследователей

в теорию текста, опирающихся на блестящие традиции французского языкознания и труды его выдающихся представителей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Barthes R. S/Z. P., 1974. 280 p.
2. Baudrillard J. The Order of Simulacra // Literary Theory: An Anthology. Blackwell publishers, 1998. 236 p.
3. Derrida J. Of Grammatologie // Literary Theory: An Anthology. Blackwell publishers, 1998. 448 p.
4. De Saussure F. Cours de linguistique générale. P.: 1983. 520 p.
5. Guillaume G. Principes de linguistique théorique de Gustave Guillaume. Paris – Québec, 1968. 223 p.

УДК 43 Нем

Калмыкова Г.А.

*Ульяновский государственный педагогический университет
им. И.Н. Ульянова*

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ МАРКЕРОВ КАУЗАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

G. Kalmykova

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov

DIACHRONIC ASPECT OF CAUSALITY MARKERS' DEVELOPMENT IN GERMAN

Аннотация. В немецком языке существует богатая система маркеров каузальных отношений. В статье прослеживаются основные этапы формирования и репрезентации маркеров каузальности. Основное внимание уделяется древневерхненемецкому, средневерхненемецкому и ранненововерхненемецкому периодам. Прослеживается диахронический аспект союзов *weil*, *denn*, *wenn*. Выявляются условия формирования семантического синкретизма основных каузальных союзов, а также особая роль временного порядка следования событий, формирующего отношения причинной обусловленности.

Ключевые слова: маркеры, каузальность, союзы, паратаксис, гипотаксис, древневерхненемецкий, средневерхненемецкий, ранненововерхненемецкий.

Abstract. In German there is a rich system of markers for causal relations. In this paper we consider main stages of formation and representation of causality markers. In the focus of our attention are: old high German, middle high German and early new high German. We also consider diachronic aspect of conjunctions *weil*, *denn*, *wenn*. We define the conditions for formation of semantic syncretism of the main causal conjunctions and also the specific role of temporal sequence of events, which take part in the formation of causal relations.

Key words: markers, causality, conjunctions, parataxis, hypotaxis, old high German, middle high German, early new high German.